

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн
Будущая Патти
Серия «Киевские типы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471545

Аннотация

«Ее можно встретить на Крещатике, часа в три-четыре пополудни, когда торопливой походкой, с озабоченным видом и с кожаным портфелем „Musique“ под мышкой, она возвращается из музыкального училища. „Да, тоже, поди, не легко дается известность этим будущим Патти“, – думает, глядя на нее, встречный обыватель...»

Александр Иванович Куприн Будущая Патти

Ее можно встретить на Крещатике, часа в три-четыре пополудни, когда торопливой походкой, с озабоченным видом и с кожаным портфелем «Musique» под мышкой, она возвращается из музыкального училища. «Да, тоже, поди, не легко дается известность этим будущим Патти», – думает, глядя на нее, встречный обыватель.

Артистическая карьера будущей Патти начинается с того, что, при наличии маленького «домашнего» сопрано и небольшого музыкального слуха, она довольно мило мурлыкает в своем кругу: «Si tu m'aimais» и «Віют вітры», – в тот час между вечерним чаем и партией винта, когда гости более всего щедры на поощрения маленьким «семейным» талантам.

– Манечка, ты бы того... спела бы нам что-нибудь, – говорит благодушный папаша, поглаживая бороду и смеющимися глазами приглашая гостей присоединиться к его просьбе.

– Спой, светик, не стыдись, – вставляет какой-нибудь неисправимый холостяк, знавший Манечку «еще

вот такую».

Манечка идет к роялю и без всяких претензий, слабым голосом, с неправильными придыханиями, но не без приятности, поет о том, как «аж деревья гнутся».

– Очень, очень хорошо... прелесть что такое, – одобряют гости, косясь на двери соседней комнаты, где уже раскрыты зеленые столы. – Вы знаете, в наше время голос – это целый капитал. Только ведь учиться да учиться надо. Школа вот что самое главное, а там – почему знать? Может быть... хе-хе-хе... из вас, барышня, будущая Патти выйдет.

Постоянные упоминания о школе, похвалы гостей, рассказы о почестях и баснословных гонорарах, получаемых знаменитыми артистами, в конце концов гипнотизируют будущую Патти, которая, в свою очередь, гипнотизирует нежных, но расчетливых родителей. Ее настоятельные просьбы еще и потому находят отклик в родительских сердцах, что Манечка никак не может пойти в гимназии дальше четвертого класса, а между тем кому не известно, что небогатой девице трудно составить приличную партию, не обладая средним образованием, или трогательною склонностью к хозяйству, или, наконец, каким-нибудь приятным талантом?

– А ведь Манечку бы нужно... того... отправить к

профессору, попробовать голос... Кто ее знает, может быть, и в самом деле у нее... того... талант скрывается? – говорит в одно прекрасное утро, пробегая за стаканом чая газету, отец семейства. – Кстати, вот и в газете напечатано, что какой-то вновь прибывший профессор Маккарони «ставит» самые дурные и испорченные голоса... К тому же и дешево. Разве попробовать?

На другой же день будущая Патти пробует у профессора Маккарони голос. Профессор – подозрительная личность в потертом фраке, с плешивой головой, нафабранными усами и чудовищным кадыком – в восторге от голосовых средств Манечки. «Правда, есть небольшие дефекты... слабость средних нот, недостаток школы... ну, и так далее... Но я берусь в два года сделать из вашей дочери звезду русской оперы... Только берегите, mademoiselle, берегите ваш голос».

С этого дня для всех родных и знакомых семейства, заключающего в своих недрах будущую звезду русской оперы, начинается миллион терзаний. Вместо «легонького винтика» и «прохождения по маленькой» на сцену выступают бесконечные разговоры о диафрагме, о постановке голоса, о среднем регистре, о головных нотах, о придыханиях, о носовых и лобных «хоанах» и о тысяче подобных технических предметов. Манечка вызывается к пианино, но она не в духе,

она боится злоупотреблять голосом, – ей запретил ее профессор петь по вечерам. Наконец, уступая тайному чувству честолюбия, она, как будто бы нехотя, соглашается и поет что-нибудь из Чайковского или Листа.

«Черт ее знает, эту школу, – думают гости в то время, как у них от высоких нот будущей Патти бегают по спинам холодных мурашки. – Я, может быть, по своему невежеству и не чувствую, а оно и на самом деле... школа»...

Однако очень скоро будущая Патти остается недовольна уроками профессора Маккарони: и сам профессор неинтересный, и ученики у него какие-то все подозрительные, и скука страшная на уроках, и никогда не бывает концертных вечеров, С ней охотно соглашается и папаша, давно уже подозревавший в профессоре беглого итальянского каторжника.

– Знаете ли, – говорит он, – как-то страшно верить такое сокровище, как голос, каким-то сомнительным субъектам. Вы бы послушали, что у нее за «ut bemol». Соловей, да и только.

Будущая Патти держит экзамен в музыкальное училище, приводя в трепет своим знаменитым ut bemol'ем нервных экзаменаторов. Однако она все-таки принята, и восхищенные родители немедленно заказывают ей у Барского новый роскошный «Musique».

С этого времени Манечка становится деспотом в семье. «Манечке нужно спокойствие, Манечка такая нервная, Манечка отдыхает. Тсс... Манечка занимается, Манечке нельзя кислого...» Целый день с утра до вечера из ее комнаты раздаются бесконечные «аааа, оооо, уууу», настойчивые, пронзительные, беспощадные... Вся семья терпит их, скрежеща зубами, веруя в будущность Манечки, и только один младший брат, гимназист, тщетно усиливающийся понять под эти звуки сущность неправильных глаголов на «і», швыряет с озлоблением грамматику Кюрнера в угол и восклицает:

– Черт!.. Визжит, точно кошка драная!

Манечка ходит в музыкальное училище, трепещет перед именем господина Эверарди, обожает господина Пухальского, третирует свысока учениц господина Блюменфельда и вводит в дом множество будущих Тамберликов и Мазини, от вокального нашествия которых папаша спасается бегством к соседям. Однако успехи будущей Патти подвигаются вперед очень медленно. Она остается на первом курсе, не выдержав экзамена. На следующий год повторяется та же история, через год – то же. Манечка из подростка становится девицей, из девицы – барышней, из барышни – старой девой. Она с негодованием непризнанного таланта покидает училище.

– Зависть!.. Покровительство бездарностям!.. Рутинна!.. Слабость к смазливим личикам!

При этом один из наиболее известных профессоров непременно обвиняется в умышленной порче голоса будущей Патти. Вообразите себе, – говорят возмущенные родители, – этот Эверарди совершенно «сорвал» голос нашей Мими (все Манечки после двадцати пяти лет обращаются в Мими). Это просто ужас, как он обращается с голосами!

Окончив таким образом музыкальное училище (три годами раньше окончания курса), будущая Патти становится ревностной участницей всех домашних концертов. Оперных певиц она бранит с беспощадным ожесточением, вызывающим даже у нее на губах пену. В то же время потребность «обожания» она с профессоров переносит последовательно на Тартакова, Медведева и в конце концов на Мышугу, приставая к ним с просьбами подарить на память карточку или носовой платок и поднося им ко дню бенефиса вышитые гарусом туфли и подушки.

В тех летах, когда надежда сделаться со временем звездой русской оперы становится очень сомнительной, Мими начинает, с «неподражаемым шиком» аккомпанируя себе на гитаре, исполнять цыганские романсы, вроде Шмитгофовского:

Ты сиводни сапрасила с укорам,
А та чего я при вастречи малачу.

Вместе с годами растет ее поклонение оперным тенорам, обращаясь наконец в настоящую фанатически яростную манию. Она уже не довольствуется одним «посмотрением» своего идола, – у нее является ничем не удержимое желание повергнуться к его божественным ногам и прикоснуться к его священной особе собственными руками... И нередко случается, что Мими, не будучи в силах превозмочь своего психопатического вождения, с блуждающим взором, с растрепанной прической, кидается в фойе оперного театра к ногам своего кумира и, к великому соблазну присутствующих, начинает покрывать полы его сюртука горячечными поцелуями.

Здесь, впрочем, мы уже имеем дело с типом оперной психопатки, о которой в свое время поговорим подробнее, так же как и о «будущей Рашели» и «будущей Софии Ментер».

До конца дней своих Мими глубоко убеждена, что в ней погиб великий талант, не признанный завистливыми профессорами, и великолепный голос, «сорванный» их варварским методом.